2015-06-05 **Песни изувеченных войной**

Мы во время войны жили в Туркмении. Горе не обошло ни один дом в нашем городе. Под Смоленском и Ельней погибли два брата матери, при форсировании Днепра и Березины – брат и племянник отца. И наконец – долгожданная Победа! Но никогда не забуду, как из госпиталей выписывались фронтовики. Некоторые без обеих рук и ног, слепые, с изуродованными обожжёнными лицами парни. Они не возвращались домой, где их ждали матери и невесты, а оставались здесь, навсегда зачислив себя в «без вести пропавшие», зарабатывали на хлеб и водку своими рвущими душу песнями.

Вспоминаю морских пехотинцев. Один без рук и ног, другой – без ног, с трофейным аккордеоном красного цвета. Оба на деревянных платформочках на подшипниковом ходу, в тельняшках и бескозырках. Перед ними стоял солдатский котелок для подаяния.

Я и сейчас слышу стук монет о днище котелка, их песни, и вижу сосредоточенные лица ребят, ставших стариками-инвалидами в двадцать лет, – Саши из уральского посёлка и сибиряка Андрея. Их в городе знали, но где они жили – не знал никто. Вечерами после уличного концерта их иногда видели спящими прямо у пивной. Их тележки стояли вплотную друг к другу. Андрей обнимал одной рукой обрубок тела боевого товарища, другой рукой – аккордеон.

Мы с братишкой выпрашивали дома двадцатикопеечную монету на газировку, чтобы по очереди, сегодня брат, а завтра я, опустить её в солдатский котелок. Устроившись на дереве, на противоположной стороне тротуара, мы внимательно слушали и запоминали печальные песни солдат.

Они пели об Одессе, о молодом лейтенанте, что «перед боем с медицинской сестрою гулял», о героической гибели «Варяга». Иногда кто-нибудь из женщин просил: «Арестанта» спойте». Эта песня не имела никакого отношения к военной тематике, но звучала по-особому печально, как заклинание, как молитва:

О Всевышний Господь, дай мне силы
Подышать ещё несколько дней,
Прежде чем отойти мне в могилу,
Дай увидеть родных и друзей.
Дай проститься с семьёй мне родною
И обнять престарелую мать.
А вот эти тяжёлые цепи
Помогите мне, братцы, с ног снять…

Но цепи, в которые навеки заковала война этих парней, невозможно было снять ничем – ни молитвами, ни заклинаниями, ни самыми чудодейственными снадобьями.

Мне было семь лет, когда я слушала песни изувеченных войной ребят, но они и по сей день звучат в душе моей печальным укором, напоминанием о той великой цене нашей сегодняшней жизни. Они с ранних лет помогли воспитать чувство глубочайшего уважения к фронтовикам, ветеранам войны.

И как бы глубоко в пучину тысячелетия ни уходил новый, двадцать первый век, двадцатый не забудется, память сердца не умрёт. Так хочется в это верить.

С.С. Ханжа